

355.1(092)

3-43

ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ БОЕВОЙ

На земле
Афганистана

355.1/0921
3-43

ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ БОЕВОЙ

На земле
Афганистана

А-140354

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. КРУПСКОЙ

ОН ВЕРНУЛСЯ

Подполковник Руслан Султанович Аушев родился в 1954 году в с. Володарское Володарского района Кокчетавской области. После окончания Орджоникидзевого высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Маршала Советского Союза А. И. Еременко служил в Краснознаменных Северо-Кавказском и Туркестанском военных округах. С 1980 по 1982 год находился в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА. В 1985 году, закончив Военную академию имени М. В. Фрунзе, вернулся на землю дружественного Афганистана. Был делегатом XX съезда ВЛКСМ.

Р. С. Аушеву присвоено звание Героя Советского Союза.

16 октября 1986 года в районе перевала Саланг Руслан Аушев был тяжело ранен. Автоматная пуля прошла его тело на вылет, задев по пути оболочку легкого и повредив печень.

За те почти четыре года, проведенные в Афганистане, Руслан много раз видел, как свинец сбивал с ног людей. Его пока даже не задело пулей. Он не тешил себя напрасными иллюзиями. Напротив, отчетливо сознавал: рано или поздно это, по-видимому, произойдет. Иногда пытался представить себе — как? У него сложилось убеждение, что боль испытывает лишь тот, чей мозг ослаблен выматывающим ожиданием пули. И потому редко позволял себе думать о таких вещах. В бою вообще не до того: командир под огнем заботится не о себе, а о своих воинах.

Когда-то, несколько лет назад, Руслан и мысли не допускал, что человек способен стрелять в человека.

Лишь увидев кровь товарищей, поверил в реальное существование врагов, смотревших на него сквозь прицелы автоматных зрачков. Это было, когда охранял со своими ротами поля первых крестьянских кооперативов на земле Афганистана. Когда рядом с афганскими солдатами выбивал из ущельев банду Ахмад-шаха. Когда сопровождал колонны с мирными грузами. То есть это было всегда, когда он, Руслан Аушев, выполнял свой долг человека, пришедшего на помощь попавшему в беду соседу. У войны — даже необъявленной, какую ведут афганские контрреволюционеры, — свои законы, и ему хватило времени, чтобы их усвоить.

Аушев ощутил удар в спину, когда, пригнувшись, бежал от танка к укрытию. Однако останавливаться здесь, на самом опасном, простреливаемом со всех сторон участке дороги, нельзя. И он продолжал бежать, поняв уже, что ранен, похоже, тяжело.

Упал у «бетеэра», под левым бортом, рядом с радистом, который держал связь с подразделениями. Надо было руководить боем. Обернулся, глянул туда, где находился всего минутой назад.

Две машины из его колонны полыхали одним гигантским костром. Пламя с гулом взметывалось метров на двадцать, охватило не только цистерны, кузова автомобилей — чадно пылала резина, даже металл, казалось, горел тоже. Медленно сдавал назад от чудовищного костра танк, а ствол его пушки тянулся, целился прямо в ревуший огонь.

Стрельба усилилась. Автоматные и пулеметные очереди, умноженные горным эхом, метались между скалами, сливаясь в один почти непрерывный грохот.

— Передай разведчикам, чтобы пробивались к нам сверху. — Обращаясь к радисту, Аушев хотел распорядиться по обыкновению быстро, громко, но не получилось. Пришлось делать паузы едва ли не после каждого слова, чтобы собрать силы.

Радист, послушно кивнув, склонился к микрофону. «Ничего не заметил», — подумал Руслан с некоторой досадой, потому что уже знал: долго ему не продержаться, надо, чтобы кто-то помог. Но как сказать о ранении? Кому? Идет бой, и все ждут от него четких, верных команд. Надеются на его опыт. Да что там говорить — для многих важен просто факт его присутствия здесь, рядом с ними.

Танк почти в упор выстрелил по горевшим машинам. К небу взвился и тотчас опал столб клубящегося пламени. Лязгнув гусеницами, танк двинулся на остатки наливников, прямо в адов огонь — и скрылся в нем.

Руслан сел, прислонившись к теплой резине колеса. Откинул голову. Ловил воздух широко открытым ртом — дышать все труднее. «Танк прорвался сквозь этот проклятый костер, — понял он. — Значит, и боевые машины должны пройти. Дело сделано».

Кто-то из офицеров вопросительно склонился над ним. «Надо сказать. Уже можно. Только бы хватило сил, чтобы сказать...»

— Кажется, меня зацепило, — произнес с расстановкой, сам удивляясь тому, насколько непослушными стали губы и чужим голос.

Через нижний люк Аушева втащили в «бетеэр». Сняли куртку. Начали перевязывать.

— За меня остается майор Паперник, — прохрипел, с трудом выдавил из себя слова.

В несколько приемов развернувшись на узкой горной дороге, «бетеэр» помчался вниз.

* * *

Хорошо было бы написать: нас свел Афганистан. Но это неправда. Он мог нас свести, потому что мы оба — и Руслан, и я — в одно время выполняли там свой долг. Аушев — комбатом, я — собственным корреспондентом «Комсомольской правды». Лишь по какой-то прихоти судьбы наши курсы тогда не пересеклись.

Весной 83-го мы пригласили Героя Советского Союза Руслана Аушева, заканчивавшего первый курс Военной академии имени М. В. Фрунзе, поехать в составе «десанта» газеты на ударную стройку в Экибастуз. Он пришел в редакцию после занятий, чтобы уточнить детали командировки. Высокий, красивый, с пышными усами, знающий себе цену и вместе с тем застенчивый до румянца, Руслан сразу располагал к себе.

Кажется, с того самого дня мы стали друзьями. Случалось, вместе отправлялись в командировки. Тренировались в одной спортивной секции. На хоккейных матчах болели за одну команду. Обменивались книга-

ми. Иногда жестоко спорили. Когда после окончания академии Руслан вновь добился назначения в Афганистан, нас продолжали связывать письма.

* * *

Уникальна, единственна на всю нашу страну семья Аушевых. У Султана Юсуповича и Тамары Исултановны пятеро детей. Трое из них — офицеры. Все трое служили в ДРА. Старший, Адам, и младший, Багаутдин, исполнив интернациональный долг, также поступили в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Все трое были ранены, причем Адам и Руслан тяжело. На троих братьев — тринадцать (!) орденов и медалей, врученных им за мужество и героизм.

Отец, Султан Юсупович, не мастер говорить громкие слова. Именно он воспитал сыновей воинами.

В ингушских семьях мужчинам не принято открыто проявлять эмоции. Когда сыновья приезжают в отпуск, Султан Юсупович свои чувства выражает только тем, что надевает праздничный пиджак с трудовыми медалями на лацкане. Объятия, радостное многословие здесь исключены. Таковы традиции, которых — крепко держатся в гостеприимном, обвитом виноградной лозой доме.

Тамара Исултановна однажды призналась мне:

— В восемьдесят третьем Адама ранило. Он не писал об этом. А я ночей не спала, сердцем беду чувствовала. Потом Адам приехал в отпуск — с палочкой ходил, худой, бледный. Молчал. Я его спрашиваю: «Сын, ты почему хромаешь?» Он лишь глаза отводит: «Упал я, ушибся».

Отец меня успокаивал: «Что ты маешься? Не только наши там. Русские, грузины, азербайджанцы, узбеки — все долг выполняют». Только вижу, отец переживает еще больше, чем я. По утрам к почтовому ящику спешит — все газеты перетрясет: может, есть письмо из Афганистана.

* * *

Сколько раз наблюдал: идет Руслан по улице, и взгляды многих людей фокусируются на его Золотой Звезде. Она притягивает к себе, гипнотизирует.

Горбоносые старики горделиво, молча сидят на ла-

вочке. У них красные, натруженные шеи, узловатые руки. При виде Руслана поднимаются, тянут правую руку к тому месту, где сердце: «Салам...»

Аушев смущен до слез. Неслыханно, чтобы почтенные старцы вставали перед 30-летним парнем.

Но может, они всю жизнь ждали такого парня?

Мы привыкли к тому, что в героях у нас ходят седые ветераны. А тут — наш ровесник, такой же, как мы. И — герой!

Не раз сам видел: человек провожает Руслана долгим-долгим взглядом. О чем думает он в такой момент? Примеряет Звезду к себе?

* * *

Таксисты грозненского таксопарка записали Аушева в свою бригаду. Заработанные деньги перечисляют в Советский Фонд мира. Всякий раз, едва приехав в родные края, спешит Руслан в таксопарк: понимает цену этому патриотическому поступку.

— Слушай, Руслан, помоги, а? — попросили как-то таксисты. — Достань нам адрес того кишлака, который недавно по телевизору показывали.

— Зачем вам?

— Как зачем! Там люди с голоду умирают. Мы на собрании решили помочь деньгами и продуктами.

* * *

Выступали в одном столичном учреждении. Руслана спросили: что крепче всего запало ему в душу, когда служил в ДРА? Помедлив, он достал из кармана конверт. Вынул оттуда исписанные прыгающими, почти печатными буквами листки со штампом полевой почты.

— Зачитаю вам письмо, которое получил от Саши Лиза, лейтенанта из моего батальона.

Глухим, прерывающимся от волнения голосом, часто откашливаясь, начал читать. Вот эти строки, написанные на госпитальной кровати человеком, только что перенесшим тяжелую операцию:

«Хочу рассказать вам о людях, которые первыми пришли мне на помощь, когда меня ранило. Я лежал на открытом месте, передвигаться самостоятельно не мог, и бандиты просто издевались надо мной. Они так

стреляли, чтобы пули ложились в 10—15 см от меня. И тут приполз рядовой Мамедов из взвода обеспечения. Я ему приказал оставить меня, а самому уйти в укрытие, находившееся метрах в двенадцати. Он не послушался. Вслед за ним приполз рядовой Кочиев, и вдвоем они стали тащить меня к укрытию. Когда до него оставалось метра три и душманы поняли, что мы можем уйти, они перенесли огонь прямо на нас. Тогда Мамедов лег на меня, закрыв своим телом. Одна пуля пробила ему руку и уже на излете застряла у меня в бедре. Товарищи спасли меня от верной гибели.

Очень скучаю по нашему батальону, так мне хочется обратно... Если бы сейчас все заново начать, то я бы, не задумываясь, пошел той же дорогой — так и передайте всем нашим ребятам».

От одних лишь этих слов у Руслана комок встал в горле. Ведь говорилось-то о воинах из родного батальона, каждый из них был близкий человек — и лейтенант Лиз, и Мамедов с Кочиевым, рядовые. Больно легло на сердце известие о тяжелом ранении 23-летнего Саши Лиза, которому ампутировали ногу. Вместе с тем Руслан испытывал законное чувство гордости за молодого офицера.

— Письмо своему комбату, вот это письмо, — Аушев показал залу конверт без марки, — было первым, которое Саша написал после операции. А вторым стал рапорт Министру обороны с просьбой оставить его в кадрах армии.

* * *

Как-то в беседе с Русланом упомянул я о стенографистке из нашей редакции. Многие годы Екатерина Константиновна Благодарева собирала фотографии односельчан, погибших во время Великой Отечественной войны, скупые факты об их ратном труде. Ее стараниями выражение «никто не забыт» обрело в той деревне, где прошла юность Екатерины Константиновны, особый смысл: накануне 9 Мая на деревенской площади люди сообща воздвигли обелиск с высеченными именами тех, кто не вернулся из боя. Открыть памятник решили в Праздник Победы.

Я знал, что Руслан в тот день уже получил множество приглашений (выступить, поприветствовать, встретиться, участвовать, посетить...), и потому не надеялся

уговорить его поехать со мной. Деревня-то от Москвы неблизко. Он сам предложил:

— Давай сделаем женщине сюрприз. Отправимся туда и принародно скажем ей спасибо. Как ты думаешь, ей будет приятно?

Мы немного опоздали. Митинг уже закончился. Но жители типичной подмосковной деревни из полусотни бревенчатых изб не расходились. Теснились вокруг памятника своим отцам, братьям, племянникам. Женщины плакали, мужики хмурили лбы. А рядом был устроен самодельный стенд, с фотографий глядели на односельчан из сорок первого года родные лица.

Неподалеку, пунцовая от волнения, стояла Екатерина Константиновна в белой кофточке. Молодой майор в парадном мундире с геройской Звездой подошел и низко склонил перед ней непокрытую голову.

* * *

С удивительной душевной щедростью идет Руслан навстречу людям, принимает участие в их судьбе.

— Понимаешь, — объяснял он, собираясь на прием к высокому спортивному руководителю, — есть у меня земляк, борец вольного стиля. Сильный парень, а в сборную не берут. Я гарантирую, что он — готовый чемпион Европы.

— Руслан, — попробовал я его урезонить, — тренерам, наверное, виднее...

— Им свое виднее. Я тебе самого главного еще не сказал. Если тот парень, Ваха Евлоев, станет чемпионом, в его родном городе борьбой захотят заниматься все подростки. Им пример нужен, понимаешь? Сейчас в том городе с ними немало проблем. Очень нужен ребятам кумир!

Убедил Руслан спортивное начальство: Ваха Евлоев поехал в Швецию. Оттуда вернулся чемпионом Европы. Прямо из аэропорта примчался на Садовое кольцо, в общежитие Военной академии.

Большой, зеленоглазый, взъерошенный, совершенно опалевший от счастья, стоял Ваха посреди комнаты. На груди — золотая чемпионская медаль. Он даже дар речи потерял — просто смотрел на нас сияющими глазами. Да никаких слов и не требовалось.

Потом Евлоев говорил: «Когда я вышел на финальную схватку с турком, сразу вспомнил всех, кто в ме-

ня верил. Сказал себе: «Если сегодня здесь не советский, другой гимн прозвучит, ты не человек, Ваха».

Много позже спросил я Руслана: «А вдруг бы Ваха проиграл?»

«Нет, — убежденно ответил он. — Ваха скорее умер бы на ковре, чем позволил себя побороть. Ведь мы за него поручились. Его тогда никто не мог победить».

* * *

Чем привлекает к себе Руслан, сразу же внушает симпатию? Может, достоинством, с которым неизменно держится? Или умением нестандартно думать, излагать свои мысли? Обаянием? Внутренним благородством?

Всем вместе.

За три года учебы в академии Аушев бывал в разных московских домах, беседовал с огромным числом людей и всегда старался усвоить для себя какие-то уроки. Перед отъездом в Афганистан сказал:

— Меня эти годы в Москве зарядили такой энергией! Я как натянутая стрела, отпусти тетиву — полечу.

В родном народе находил Руслан образцы подлинного величия духа, нравственной красоты, беззаветной любви к Отчизне. От него услышал я историю, в которой ярко отразился характер советского человека:

— В горном селе неподалеку от Грозного получили письмо от солдата из Афганистана. Он писал домой, что наградили его орденом Красной Звезды, обещал скоро приехать. А потом сообщили: убит в бою. Собрались к дому солдата односельчане, чтобы выразить соболезнования матери. От горя она потеряла силы — вынесли ее навстречу людям на руках. Когда немного пришла в себя, сказала: «Шестнадцать пуль попали в тело моего сына, и ни одна из них — со спины. Значит, он не был трусом. Это меня утешает».

* * *

Вспоминается случай возле станции метро «Измайловская». Конец марта. В свете фонарей косо летел снег. Среди колонн перед выходом — компания наших сверстников. Негромко звенела гитара.

Десять лет назад выпускники энергетического института пообещали друг другу собраться именно в этот день. И вот теперь возвращались в счастливую пору студенчества: «Я в синий троллейбус сажусь на ходу, в последний, случайный...» Потом — другая мелодия, окрашенная легкой печалью: «Первый тайм мы уже отыграли и одно лишь сумели понять...»

Мы остановились. Руслан весь подался вперед.

Мне казалось, я понимал его. Он заканчивал академию и уже знал, что снова вернется в Афганистан. Хотелось, видимо, впитать в себя все, что там, в горах, поможет быть сильным, храбрым, добрым. Обычная мирная жизнь наполнялась для него особым смыслом, приобретал особую цену.

Через несколько минут бывшие однокурсники разойдутся в разные стороны или даже разъедутся. Будут расти по службе. Любить. Воспитывать детей. Петь песни. И все это станет возможным, потому что есть он, Руслан Аушев, его боевые друзья.

* * *

В феврале 1986 года меня направили в ДРА в короткую командировку. Руслан показывал свое хозяйство во временном городке — офицерские общежития, обсаженные молодыми деревьями дорожки, русскую баню, столовую. Ревниво смотрел, нравится ли мне здесь. Ведь я помнил эту часть еще не обжитой, не ухоженной — в 81-м. Руслан возглавлял теперь штаб того самого полка, в котором когда-то командовал ротой, а потом батальоном.

— Конечно, романтики сейчас, на новой должности, меньше, — признался он. — Приходится заниматься планированием всей жизни, организацией службы. Штаб — это мозг полка. Хороший штабист все двадцать четыре часа в сутки на своем посту.

* * *

«Извини, что долго не писал. Работы по горло. Часто выезжаю. Помогаем афганцам отбиться от тех, кто зарится на их хлеб. В свободное время обучаю рукопашному бою разведчиков. Навыки, приобретенные в Москве, пригодились — так и передай там ребятам.

Q-1410354

Последний выезд пропустил. Мне объяснили, что я должен остаться, готовить часть к предстоящей проверке. Впервые я остался в расположении, и, когда встречался с кем-нибудь, было как-то неловко.

У меня здесь иногда спрашивают: зачем я снова вернулся в Афганистан? Находятся такие, кто намекает, будто мало мне славы. Понимаешь, когда мне вручили Звезду, жить по-старому я уже не смог. А тут еще стали называть моим именем пионерские дружины, трудовые бригады. Седые старики на родине вставали при моем появлении. Какая большая ответственность перед людьми! Представь себе теперь, что я поехал бы после академии в какое-нибудь тепленькое местечко. Что бы люди подумали? Где-то гибнут люди, а этот лохотный майор отсиживается. Ну, сделал он когда-то что-то, а теперь?

А теперь я на передовой, то есть именно там, где обязан быть в данный момент».

* * *

Банды Ахмад-шаха Масуда рано утром 16 октября скрытно вышли к перевалу Саланг и заняли позиции на высотах вдоль шоссе. Рядом с душманами окапывались операторы западных телевизионных компаний: это им на потеху готовилось уничтожение колонны афганских машин, которая транспортировала в Кабул топливо.

Ахмад-шах слыл самым могущественным из головорезов, уцелевших на афганской земле. Отряды его наемного войска рыскали в районе долины Панджшер, а при малейшей опасности уходили через границу в Пакистан. У Ахмад-шаха имелись своя агентурная сеть в центральных районах страны, самые современные ракеты, мины, стрелковое оружие, инженерное оборудование, для связи использовались последние достижения радиотехники, в том числе космической, спутниковой. Конечно, все это ему не с неба упало: за кордоном давно поняли, на кого делать ставку в стремлении уничтожить народную власть. Ахмад-шах — враг хитрый, умелый, фанатичный.

Просочившись под покровом ночи к Салангу, несколько сот душманов после полудня 16 октября ударили по длинной, растянувшейся километра на два колонне наливников. Вспыхнул от гранатометного зал-

па сопровождавший колонну бронетранспортер. Загорелись машины с цистернами в кузовах. Водители выпрыгивали из объятых пламенем кабин и попадали под смертельный град пуль. По камням текли ручьи бензина, смешанного с кровью.

Это хотели снять западные кинооператоры? Под такой сюжет Ахмад-шах сможет просить новые милости.

...Руслан только что спустился с перевала в Чарикарскую долину. Его небольшой отряд стоял у моста через быструю реку, откуда начинался серпантин горной дороги к Салангу. Около пятнадцати часов он увидел столбы черного дыма над горами, услышал уханье гранатометных выстрелов. В следующую минуту его командирский «бетеэр», шесть боевых машин и два танка помчались туда, где разгорелась схватка с врагом.

Километра через три встретили несколько прорвавшихся из засады машин. За поворотом дороги увидели пылавший «бетеэр».

Руслан мгновенно отметил, что огонь здесь ведут такой плотный, под какой он ни разу за все годы не попадал. Главную опасность представляли бившие сверху гранатометы. Приказал подавить их командиру одного танка, а второму велел следовать вместе с ним вверх.

«Отчего так мало машин вышло из зоны обстрела? — недоумевал Аушев. — Все другие уничтожены?» Его афганский опыт противился такой мрачной догадке. Всегда бóльшую часть машин выводили из любой засады. Что же случилось?

Все объяснилось за следующим изгибом дороги, лепившейся между скалами и пропастью: трассу намертво перегородили две горевшие машины. Как оказались они поперек шоссе обе сразу, борт в борт, будто нарочно образовав огненную баррикаду, которую ни пробить, ни объехать? «Значит, остальные наливники там, выше, за этим костром, — понял Руслан. — Сгрудились, наверное, в кучу, а с гор бьют сейчас по ним, беззащитным, и водители ничего сделать не могут — ни себя спасти, ни машины». Надо было прорываться туда, любой ценой прорываться.

Руслан уперся обеими руками о броню, легко выпрыгнул на землю. Ветром несло на него космы черного дыма. Пули, рикошетом отскакивая от камней, со стоном ввинчивались в воздух.

Танк почти уперся в неожиданную преграду. Руслан подбежал к нему, поднял с земли камень, дважды стукнул по броне. Из командирского люка высунулся по пояс старший лейтенант Кислица: перепачканное гарью лицо возбуждено, шлем сбился на затылок.

— Сбрось их в пропасть. Сможешь? — показал Руслан на чадающие машины.

Вместо ответа Кислица захлопнул люк, и почти тут же танк дернулся, пополз прямо на огненную стену. Однако через минуту отступил опять на прежнее место. Старший лейтенант вылез из-под брони — виноватый и злой одновременно.

— Жарко очень! Не выдерживает механик-водитель! — прокричал он.

— Надо, брат. Надо! Попробуй «рогом» и пушкой. Давай еще раз!

Кислица понял, о чем речь. «Рогом» в просторечии называют выступающую вперед часть танкового минного трала. Сам трал накануне был разрушен взрывом бандитского фугаса. А «рог» уцелел. Если им да еще орудийным стволом попытаться столкнуть с дороги наливники?

Танк вновь почти наполовину влез в огненный вал. «Ну, давай же, давай», — мысленно подталкивал его Руслан. Как и в первый раз, Аушев вернулся к своему «бетеэру», из-под его левого борта следил за танком.

Нет, «рог» и ствол свободно протыкали полустгоревшие машины. Потом танк попятился. Руслан увидел, как на нем вспыхнули ящики с инструментом, брезент. Пришлось спасать сам танк.

А бой не прекращался ни на секунду.

Аушев помог экипажу загасить огонь. Оставалось последнее средство. Радикальное. Коротко распорядился, обращаясь к Кислице:

— Давай прямой наводкой.

Побежал от танка к укрытию. И почти тут же почувствовал тупой укол в спину...

После госпиталя Аушев получил положенный внеочередной отпуск. На несколько дней приехал в Москву. Такой же, как всегда, только сильно похудел да на висках появилась седина.

Через несколько дней Руслан возвратился в строй.

Весной 1987 года Руслан Аушев, уже подполковник, приехал в Москву для участия в работе XX съезда ВЛКСМ. Пришел к нам в редакцию — по-прежнему красивый, стройный, общительный. Откровенно любуясь им, мы вручили Руслану огромную кипу писем, поступивших в ответ на очерк об обстоятельствах его ранения, опубликованный в «Комсомольской правде». Эти отклики являли собой зримое отражение признательности сотен незнакомых и далеких людей к нему и ко всем воинам-интернационалистам.

Руслан забрал все письма с собой:

— Обязательно напишу каждому. Придется ночами...

В Кремлевском Дворце съездов, где проходил комсомольский форум, Аушева легко было отыскать среди тысяч делегатов. В перерывах между заседаниями вокруг него неизменно бурлила толпа тех, кому не терпелось получить автограф, поближе рассмотреть Героя, пожать ему руку. Каждый раз лишь звонок на очередное заседание выручал Руслана. Он с облегчением прятал в карман авторучку, смущенно шутил:

— По-моему, меня с кем-то путают.

Нет, Руслан, все правильно. Никто ничего не перепутал. Наша молодежь всегда преклонялась перед мужеством, верностью долгу, искренностью, честностью — качествами, которыми ты обладаешь сполна. Сейчас, в пору революционного обновления общества, они, эти человеческие достоинства, приобретают особую цену. Всем нам очень нужны люди, на которых можно равняться. Герои рождают героев.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48